

resurs]. URL: http://royallib.com/read/averin_boris/vladimir_nabokov_pro_et_contra.html#3891200 (data obrashhenija: 02.07.2016).

11. Kashina N.V. Jestetika F. M. Dostoevskogo: ucheb. posobie. 2-e izd., ispr. i dop. M.: Vyssh. shk. (vuzy i tehnikumu), 1989.

12. Kolobaeva L.A. «Zhivaja zhizn'» v obraznoj strukture romana «Doktor Zhivago» B.Pasternaka [Jelektronnyj resurs]. URL: <http://www.literary.ru/literary.ru/readme.php?subaction=showfull&id=1204713527&archive=1205324254> (data obrashhenija: 24.07.2016).

13. Kuznecov I.V., Ljaljaev S.V. Preobrazhenie dejstvitel'nosti kak vnutrennij sjuzhet «Doktora Zhivago» // Novyj filologicheskij vestnik. M.: RGGU, 2013. № 2 (25). S. 45–71.

14. Ortega-i-Gacset H. Jestetika. Volja k barokko // Filosofija kul'tury / vstup. st. G. M. Fridlendera; sost. V. E. Bagno. M.: Iskusstvo, 1991.

15. Pavi P. Slovar' teatra. M.: Progress, 1991.

16. Pasternak B.L. Doktor Zhivago: Roman. Kujbyshev: Kn. izd-vo, 1989.

17. Poljakova E.A. Pojetika dramy i jestetika teatra v romane: «Idiot» i «Anna Karenina». M.: RGGU, 2002.

18. Sahnovskij V.G. Dostoevskij i teatr // Kul'tura teatra. 1992. № 1–2. S. 8.

19. Sologub F. Rech' na «Dispute o sovremennoj literature» [Jelektronnyj resurs]. URL: http://az.lib.ru/s/sologub_f/text_1914_rech.shtml (data obrashhenija: 24.07.2016).

20. Fladd R. // Jejts F. Iskusstvo pamjati. SPb.: Univer. kniga, 1997.

21. Flejshman L. K harakteristike rannego Pasternaka // Flejshman L. Ot Pushkina k Pasternaku. Izbrannye raboty po pojetike i istorii russkoj literatury. M.: Nov. lit. obozrenie, 2006. S. 348–379.

Mnemonic view of the poetics of the novels “The Brothers Karamazov” and “Doctor Zhivago”

The article represents the mnemonic view of the poetics of the “final” novels by F.M. Dostoevsky and B.L. Pasternak. The processes of memory and forgetting are regarded in the aspect of interdependence of the vitalogic and thanatologic discourses that form the multilayer nature of the plots. The category of the “vital life” is opposed to the metaimage of the theatre which is formed by the semantics of the artificial, false, untrue.

Key words: *mnemonic origins, philosophy of life, vitalogic discourse, thanatologic discourse, “theatre of memory”.*

(Статья поступила в редакцию 04.08.2016)

А.В. ДЯДЬКИНА
(Волгоград)

АВТОР И ГЕРОИ В РАССКАЗЕ В.П. НЕКРАСОВА «ДЕВЯТОЕ МАЯ»

Анализируются особенности организации повествовательной структуры в рассказе В.П. Некрасова «Девятое мая», воссоздающей систему персонажей, за которыми скрыты реальные прототипы, что помогает выявить своеобразие авторской позиции в произведении эмигрантского периода творчества прозаика.

Ключевые слова: *автор, герой, Сталинградская битва, афганская война, Победа, Девятое мая.*

*Ось земную мы сдвинули без рычага,
Изменив направленье удара.*

В.С. Высоцкий «Сталинград»

Творчество Виктора Платоновича Некрасова только сегодня возвращается к нашим соотечественникам. Хорошо знакомый старшему поколению читателей автор повести «В окопах Сталинграда» (1946) вследствие разногласий с государственным режимом 1970-х гг. был лишен советского гражданства и выдворен за пределы нашей страны. Но его писательская деятельность, значительная часть которой посвящена теме Великой Отечественной войны, продолжалась и вне Родины. Подтверждает это и рассказ «Девятое мая», созданный художником в эмигрантский период и впервые опубликованный в сборнике его произведений «По обе стороны стены» (1984, Нью-Йорк).

Здесь главный герой Вадим Николаевич Карташов, кто, как и сам писатель, «весь Сталинград отрубил», тридцать восьмой День Победы «встречает в Гамбурге, с досадой обнаруживая, что в этом году Девятое Мая отметить ему не с кем, разве что с бывшим “фрицем”, немецким летчиком, после нескольких лет “русского плена” вернувшимся к себе домой» [6, с. 540]. А он вынужден жить вне Родины, как и сам автор, лишенный советского гражданства, но не за преступление – за честность и свободомыслие. Карташов знакомится с советскими моряками, один из которых (Юрко) становится особенно близким ему, потому что Карташов понимает проблемы его се-

мы, осложненные «проклятым» Афганистаном.

Продолжая традиции реалистического письма, В.П. Некрасов сохраняет «внезаходимость» по отношению к изображаемому миру и его героям и «преднаходит», по словам М.М. Бахтина, своего героя не только в фактах собственной биографии, но и в судьбе русской культуры [2, с. 33, 59]. Изучая материалы жизни и творчества В.П. Некрасова, трудно пройти мимо имени русского поэта, который, по-видимому, тоже был одним из реальных прототипов образа Карташова. Это Вадим Николаевич Делоне (22 декабря 1947 г., Москва – 13 июня 1983 г., Париж). Как активный участник правозащитного движения, он был исключен из Московского государственного педагогического университета и в 1967 г. осужден на 1 год (условно). 25 августа 1968 г. в числе семи человек Делоне принял участие в демонстрации протеста на Красной площади против ввода советских танков в Чехословакию, за что получил три года тюменских лагерей. После вынужденной эмиграции в 1975 г. жил в Париже, продолжал заниматься правозащитной деятельностью и писать. В.П. Некрасов в газете «Новое Русское слово» 25 ноября 1984 г. опубликовал рецензию на стихи Делоне – «Вадим Делоне. Стихи. 1965–1983» [13]. Возможно, судьба и творческий облик Делоне оказали влияние на особенности образа Карташова, о чем свидетельствует не только точное совпадение имени и отчества поэта и главного героя в рассказе «Девятое мая», но и судьба героя-эмигранта. Мотив одиночества русского художника в «занюханном гамбургском кабачке» (В. Некрасов) звучит и в поэтическом творчестве Делоне. Вот фрагменты его стихотворения 1975 г. «Что родной заколдованный круг площадей...»:

*... только страшно молчать –
Тяжелей разговора пустого,
Хоть полслова родного еще услышать
и ответить хотя бы полслова.*

А это строки из стихотворения 1979 г. «Баллада о судьбе»:

*Горький привкус весеннего неба,
Безлый месяц мигнет из-за туч...
Где ты, церковь Бориса и Глеба?
Где на ордере штамп и сургуч? [4].*

В 1978 г. в Париже В.Н. Делоне было написано стихотворение, состоящее всего из одного катрена:

*Знаю – разговоры между пройдами:
«Вот уехал и погиб уже».
Лучше умереть вдали от родины,
Чем прожить без родины в душе [3].*

Поэт показал, что чувствует человек вдали от родного дома: «горький привкус весеннего неба», который знаком и Карташову, переживание «горькой тоски», которая тоже близка некрасовскому герою, осознание себя человеком, которому с Родины «жестом с надломом махнули рукой» на прощание. Самому В.П. Некрасову это тоже близко. Несмотря на то, что его детские годы прошли в Лозанне и Париже, позднее вновь приютившем его, писатель всегда чувствовал себя русским, никогда не забывая о родном Киеве, с которым ему тоже было предназначено проститься. В статье «Мать-Родина» (1981) он вспоминает об этом: «Шесть лет тому назад, уезжая из Киева, я пошел прощаться с ним, с прекрасным лицом его. Переехал на левый берег Днепра, перешел мостки и через лозняк вышел к излюбленному своему месту – небольшому, уютному пляжику одной из днепровских заток. <...> Было раннее утро, людей еще нет, я один... лежал и смотрел, любовался <...> самым красивым из городских ландшафтов в мире – киевским силуэтом» [8, с. 1139–1140]. В этом пейзаже – вся любовь русского человека к родной природе. Оттого так неприглядны пейзажи немецкого Гамбурга: «...парк был пуст, киоски закрыты. Ну лебеди, ну утки. Лебеди такие красивые, изящные в воде, на берегу оказались вдруг грузными, неэстетичными, лениво топающими вразвалку и очень агрессивными, всё время ссорились между собой... Тем не менее покормил их какими-то крошками, оказавшимися в кармане» [6, с. 536].

Если имя главного героя рассказа Некрасова «Девятое мая» способно воскресить память о В.Н. Делоне и других представителях правозащитного движения в советский период истории, то имя В.С. Высоцкого, тоже непризнанного «официальной» Родиной и тоже крепко связанного с Парижем, непосредственно возникает на страницах рассказа «Девятое мая». Старший из моряков, с которыми знакомится Карташов в Гамбурге, Алексеич, «вдруг, ни с того, ни с сего, после паузы, спросил, правда ли, что на могилу Высоцкого до сих пор цветы носят? Говорят, целая гора лежит и всё несут, несут» [Там же, с. 546]. Владимир Высоцкий оказывается той «общей темой», что поверх географических границ и политических разногласий связывает разные поколения, воспитанные русской культурой.

В «Девятом мая» отмечено, что Карташов знал последнюю песню Высоцкого наизусть и продиктовал ее морякам по их просьбе. Сама песня не названа, но ее легко можно установить. Последнее стихотворение барда было написано именно в Париже в 1980 г. – «И снизу лед, и сверху. Маюсь между...»:

*Мне меньше полувека – сорок с лишним, –
Я жив, тобой и Господом храним.
Мне есть что спеть, представ перед Все-
вышним,
Мне будет чем ответить перед Ним.*

Изгнанник В.П. Некрасов в 1980-е гг. тоже жил в Париже, тоже «маялся между льдами сверху и снизу». И то искреннее слово, которое нельзя было сказать в России, и у Высоцкого, и у Некрасова не отнять: «Мне есть что спеть, представ перед Всевышним./ Мне будет чем ответить перед Ним...». Кстати, слова Высоцкого «Мне меньше полувека – сорок с лишним» оказались пророческими, т. к. он ушел из жизни в возрасте сорока двух лет. Этого «лишнего» оказалось так мало...

Стоит отметить: у Делоне есть написанное в Париже стихотворение «Баллада памяти Владимира Высоцкого» (1980), пронизанное не только тоской по ушедшему поэту, но и тоской по родине:

*Огни, парижские огни,
молись по Святцам!
Но дни, потерянные дни,
они мне снятся.
По европейским городам
мечусь под хмелем,
Но я живу не здесь, а там –
я в это верю.
Метель сибирская метет,
хрипит недели,
Какой там с родины расчет –
мы дышим еле [3].*

Один из выпусков программы «Поверх барьеров» был посвящен В. Высоцкому («Алфавит инакомыслия. Владимир Высоцкий»), в ней была прослушана запись встречи 1982 г. с В.П. Некрасовым. Писатель тогда сказал так: «Высоцкого уже нет в живых, и мы мало как-то с ним в жизни встречались. <...> Знаю как поэта, барда, певца знаменитого, любимого» [15]. Важно и это признание писателя-фронтовика: «Высоцкий не воевал. Я воевал. Казалось бы, что между нами общего? Но, взяв в руки “Нерв” (сборник стихотворений Высоцкого, вышедший в 1981 г. – А.Д.) покойного Высоцкого, <...> я, участник, могу

сказать Володе: “Дай руку. Мы вместе воевали. Не рядом, но на одной войне. И ты сумел рассказать, пропеть о ней своим сверстникам, и они слушают тебя и верят. И я слушаю и верю”». С уверенностью можно сказать, что особенного внимания В.П. Некрасова заслужила песня Высоцкого «Сталинград», которая во многом перекликается с его «Окопами».

Самого В.С. Высоцкого тема войны тоже никогда «не отпускала». Будущий поэт родился в офицерской семье. В 1942 г. С.В. Высоцкий (отец В.С. Высоцкого) служил в главном управлении связи Красной Армии в звании старшего лейтенанта, а в 1943 г. его направили в действующую армию – на Юго-Западный фронт. Дядя Высоцкого, Алексей, с первых дней Великой Отечественной войны в составе 265-го корпусного артполка участвовал в обороне Одессы, Керчи и Севастополя. Многие зная о событиях тех дней по их рассказам, Высоцкий посчитал необходимым остановиться именно на теме Сталинграда, потому как битва за этот город стала коренным переломом в ходе всей войны. Здесь ось истории пролегла иначе, чем планировали захватчики: «Ось земную мы сдвинули без рычага, изменив направление удара».

В авторском исполнении песня «Сталинград» звучала и в спектакле Ю. Любимого «Пристегните ремни», премьера которого состоялась в июле 1975 г. Режиссер ввел в постановку сюжетно не связанный с основным действием эпизод: по проходу идет военный человек, под плащ-палаткой у него не автомат, а гитара, и поет песню, прямо выражавшую нравственную позицию театра. А. Эфрос свидетельствует: «В спектакле “Пристегните ремни” у него был всего один проход через сцену и зал. Этот проход ошеломлял. <...> Длилось это три-четыре минуты, затем раздавалась овация. Действие надолго останавливалось. Все, что было до этого, и все, что было после, ни в какое сравнение не шло с этим проходом. Высоцкий пел песню о том, как солдаты ползут вперед, вращая локтями земной шар. И была какая-то особая правда в том, что на его плечах плащ-палатка и ее изнутри распирают в стороны локти рук, держащих гитару» (цит. по: [1]).

Что же сделало возможным такое вживание Высоцкого в роль? Возможно, поэт был знаком с «Окопами Сталинграда», написанными фронтовиком-сапером В.П. Некрасовым. В «Окопах...» встречается сцена, детально воссоздающая то, как главный герой ползет попластунски: «Снимаю с шеи автомат. Ползу

вниз. Минное поле остается позади. <...> Пеползаю дно оврага. Цепляюсь за куст. <...> Ползу. Все выше и выше. Стараюсь не дышать. Зачем – не знаю. Как будто кто-нибудь услышит мое дыхание. Прямо передо мной звезда, большая, яркая, немигающая. Вифлеемская звезда. Я ползу прямо на нее. И вдруг – “трах-тах-тах-тах...” над самым ухом. Я вдавливаюсь в землю. <...> Ползу дальше. Кустарник уже позади. Сейчас будут окопы. Немецкие окопы. Еще пять, еще десять метров. Ничего нет. Я ползу осторожно, щупая перед собой рукой» [6]. Может, этот отрывок послужил основой строк В. Высоцкого из «Сталинграда»: «Животом – по грязи, дышим смрадом болот, Но глаза закрываем на запах...».

Важной особенностью, сближающей произведения двух авторов, является и переход от «я» к «мы», от «мое» к «наше». В Некрасовских «Окопах...»: «Не везет нашему полку...»; «утром над нашим расположением долго кружится “мессершмит”»; «ночью натываемся на наших»; «мы вливаемся в общий поток». Речь автора-повествователя одновременно представляет точку зрения многих, а сам он ощущает себя частью «мы». В одной из работ В.И. Зайцева, посвященной творчеству Высоцкого, отмечается «масштабное пространственно-временное поэтическое мироощущение Высоцкого в песне-монологе, написанной от первого лица множественного числа: “Мы вращаем Землю” (она же “Сталинград”). Здесь субъект высказывания и, одновременно, активного действия – это, можно сказать, народная масса. <...> Лишь однажды в тексте стихотворения встречается местоимение “я”, но характерно, в каком контексте оно возникает: “... Шар земной я вращаю локтями – / От себя, от себя!” И отсюда такая внутренняя, глубочайшая вера в собственные силы и непрекращаемая убежденность в грядущей победе, которая будет означать вновь нормальное движение планет и светил (“Нынче по небу солнце нормально идет, / Потому что мы рвемся на запад”))» [4, с. 116].

Почему особого внимания Некрасова удостоилась именно эта песня В. Высоцкого, объясняет и сам писатель в упомянутом интервью, многое проясняющем и в рассказе «Девятое мая». Некрасов сожалеет о том, чего не успел спросить у Высоцкого: «Но вот об одной песне мне хотелось бы с тобой поговорить, но тебя уже нет. О той, в которой строчки:

*И от ветра с востока пригнулись стога,
Жметя к скалам отара.
Ось земную мы сдвинули без рычага,
Изменив направление удара.*

<...> Стога, скалы, отара... И пахнуло на меня вдруг знойным воздухом Афганистана. Ни песен, ни стихов об этой войне нет. <...> И ничего-то мы об этой войне не знаем – ни мы, живущие на чужбине, ни те, кто остался дома» [15].

В отношении к афганской войне и Некрасов, и Высоцкий – тоже единомышленники. Известно, как принял весть о вводе войск в Афганистан Высоцкий: «Это было такое страшное потрясение для Володи, что не до разговоров было. <...> это подействовало на него страшно!» (цит. по: [10]). А вот что говорит об этой проблеме жена Высоцкого, Марина Влади: «Помню, когда в конце 1979 и 1980 годах по телевидению показали сюжеты из Афганистана, он просто заплакал. Это был, пожалуй, последний удар, полученный Володей перед смертью» [Там же]. Высоцкий полномасштабно осветить тему афганской войны в своем творчестве не смог. Правильнее сказать – не успел этого сделать. Однако у него есть стихотворение «Жан, Жак, Гийом, Густав – нормальные французы...» (1980), где он касается этой кровотокающей темы:

*Смелее! В облака,
Брат мой, ведь я в сутане,
А смерть – она пока
Еще в Афганистане!*

Вернемся к словам Некрасова о сожалении, что не успел спросить у Высоцкого об «одной» песне. Речь идет о «Сталинграде»:

*И от ветра с востока пригнулись стога,
Жметя к скалам отара.
Ось земную мы сдвинули без рычага,
Изменив направление удара.*

Но у Высоцкого есть ответ на этот вопрос: «“Я не могу после этого жить! Не могу больше!” – так, закрыв лицо руками, кричал Высоцкий, потрясенный событиями в Афганистане» (цит. по: [14, с. 24]).

Да и Карташов в «Девятом мая», находящийся во власти воспоминаний о Сталинграде, горестно размышляет: «Но всё это было в ту войну, сорок лет уже прошло с тех пор, в ту, говорят, самую жестокую, самую безжалостную... А может, и не самую? Может, в Афганистане и пострашнее?» [6, с. 542]. Этот вопрос постоянно тревожил самого В.П. Некра-

сова. Воспоминания Ф.А. Салказановой, журналистки и многолетнего заместителя директора Русской службы радио «Свобода»: «Мы знали, как внимательно Вика следил за всем, что происходит в Советском Союзе, и особенно – за событиями в Афганистане. Он ненавидел войну в Афганистане. Он любил советскую армию за Вторую мировую войну» [5]. Спустя тридцать восемь лет главному герою рассказа Некрасова «Девятое мая» Карташову приходится заново переживать «свой Сталинград» в связи с упоминанием об афганских событиях.

Дело в том, что в рассказе поднимается тема плена, за которую он, возможно, берется не только потому, что на Родине она была «нежелательна», но и потому, что сам характер Великой Отечественной, для писателя священной, не позволял выдвигать ее на первый план. А вот с войной в Афганистане она в «Девятом мая», к сожалению, вполне «увязывается». Карташов с гордостью вспоминает о великой Победе над фашистами, но с горечью и досадой размышляет об афганской войне. Ее опыт «не мог полноценно воплотиться в литературе. Пока эта война продолжалась, современная идеология не могла позволить хоть сколько-нибудь реалистических свидетельств того, что там происходило, а потом исчез сам Советский Союз – и афганская война перестала быть отдельной темой, став лишь главкой» [11, с. 182–189]. Но в ней немало тяжелых страниц. Есть они и в рассказе В.П. Некрасова. Морячок Юрко просит Карташова помочь вызволить из беды своего брата: «старший брат, Микола. В армии. Послали в Афганистан... Ну, там и попал в плен... Мы долго от него ничего не имели. Родители, то есть. А я в рейсе был... Потом вернулся, а от него письмо, и знаете, откуда? Из Швейцарии <...> Может быть, вдруг, случайно... Фамилия Слипченко, Микола Слипченко<...> Запишите адрес. Село Хатки, Полтавской области, Миргородского района» [6, с. 549].

По-видимому, просьба Юрко потому так трогает Карташова, что его создателю хорошо знакомы эти края. Есть и совпадения в семейных трагедиях. У самого Виктора Некрасова был старший брат, родившийся в 1902-м и рано погибший: «Коля, мой старший брат, погиб в Миргороде в 1919 году под шомполами красных. Было ему тогда 18 лет» («По обе стороны Стены»). В своем мемуарном очерке «Мама» В. Некрасов говорит: «В 1919 году трагически погиб мой старший брат

Коля. Ему было восемнадцать лет. Мальчик на редкость одаренный. Смотришь на его чудом сохранившиеся рисунки, висящие у меня на стенке, и диву даешься. Ни на кого не похоже, собственное лицо, слегка левоватое и очень профессионально. А нигде не учился. И писал. Кое-что сохранилось. <...> Почти всю свою жизнь прожил в Швейцарии и во Франции <...> и оказался он в тот нелегкий год в Миргороде, где жил наш отдаленный родственник-врач. Правительства сменялись одно за другим. В один из приходов красных у него проведен был обыск. Нашли французские книги, приняли за шпиона» [5].

Семья Некрасовых на себе испытала и войну Гражданскую, и Вторую мировую, однако писатель не склонен к созданию собственной автобиографии. Система персонажей его рассказа воссоздает голос поколения, в молодости встретившего войну и победившего фашизм. Оттого в некоторых фрагментах произведения голос героя сливается с авторским голосом, а повествование от «я» сменяется повествованием от общего лица всех сталинградцев, надевавшихся, что «их» война окажется последней. В своей послевоенной жизни сам Некрасов, как и его герои, живет так, словно измеряет все в этом мире высокой сталинградской мерой оплаченных миллионами жизней надежд, оттого проза художника приобретает отчетливую антивоенную направленность, взывая к диалогу, а не к противостоянию стран, народов, общественно-политических систем.

Список литературы

1. Бакин В. Владимир Высоцкий без мифов и легенд: Алгоритм, 2010 [Электронный ресурс]. URL: www.e-reading.mobi/book.php.
2. Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. М.: Худож. лит., 1975.-504с.
3. Делоне В. Стихи. 1965–1983. Париж, 1984 [Электронный ресурс]. URL: <http://nekrassov-viktor.com/Books/Nekrasov-Delone%20Vadim.aspx>.
4. Зайцев В.А. Окуджава. Высоцкий. Галич: поэтика, жанры, традиции. М.: Изд-во ГКЦМ В.С. Высоцкого, 2003.
5. Крохин Ю. Фатима Салказанова: открытым текстом. М.: Вагриус, 2002. С. 400 [Электронный ресурс]. URL: <http://nekrassov-viktor.com/AboutOfVPN/Nekrasov-Salkazanov%20Fatima.aspx>.
6. Некрасов В.П. Девятое мая // Некрасов В.П. В окопах Сталинграда. М.: Эксмо, 2013. С. 523–550. (Русская классика).

7. Некрасов В.П. Мама: мемуарный очерк // Новое Русское слово. 1980. 7–8 окт. [Электронный ресурс]. URL: <http://nekrassov-viktor.com/Books/Nekrasov-Mother.aspx>.

8. Виктор Некрасов. Сочинения. М.: Книжная палата, 2002.

9. Некрасов В.П. Там, где горела земля // Собрание сочинений Виктора Некрасова (в трех книгах). М.: Изографус, 2004. Т. I. С. 616.

10. Перевозчиков В. Правда смертного часа. М.: Политбюро, 2000.

11. Ремизова М. Война внутри и снаружи // Октябрь. 2002. № 7. С. 182–189.

12. Сафронова Е. Будьте как дома. У Высоцкого [Электронный ресурс]. URL: http://7info.ru/news/accents/budte_kak_doma_u_vysockogo/.

13. Шаховская З. Вадим Делоне. URL: <http://www.univer.omsk.su>.

14. Шемякин М. Вспоминай всегда про Вовку // Библиотека «Ваганта». 1991. № 2 [Электронное издание].

15. Радио «Свобода». URL: <http://www.svoboda.org/content/transcript/24589928.html>.

* * *

1. Bakin V. Vladimir Vysockij bez mifov i legend: Algoritm, 2010 [Jelektronnyj resurs]. URL: www.e-reading.mobi/book.php.

2. Bahtin M.M. Voprosy literatury i jestetiki. Issledovanija raznyh let. M.: Hudozh. lit., 1975.-504s.

3. Delone V. Stihy. 1965–1983. Parizh, 1984 [Jelektronnyj resurs]. URL: <http://nekrassov-viktor.com/Books/Nekrasov-Delone%20Vadim.aspx>.

4. Zajcev V.A. Okudzhava. Vysockij. Galich: pojetika, zhanry, tradicii. M.: Izd-vo GKCM V.S. Vysockogo, 2003.

5. Krohin Ju. Fatima Salkazanova: otkryтым tekstom. M.: Vagrius, 2002. S. 400 [Jelektronnyj resurs]. URL: <http://nekrassov-viktor.com/AboutOfVPN/Nekrasov-Salkazanova%20Fatima.aspx>.

6. Nekrasov V.P. Devjatoe maja//Nekrasov V.P. V okopah Stalingrada. M.: Jeksmo, 2013. S. 523–550. (Russkaja klassika).

7. Nekrasov V.P. Mama: memuarный очерк // Новое Русское слово. 1980. 7–8 окт. [Jelektronnyj resurs]. URL: <http://nekrassov-viktor.com/Books/Nekrasov-Mother.aspx>.

8. Viktor Nekrasov. Sochinenija. M.: Knizhnaja palata, 2002.

9. Nekrasov V.P. Tam, gde gorela zemlja // Sobranie sochinenij Viktora Nekrasova (v treh knigah). M.: Izografus, 2004. T. I. S. 616.

10. Perevozchikov V. Pravda smernogo chasa. M.: Politburo, 2000.

11. Remizova M. Vojna vnutri i snaruzhi // Oktjabr'. 2002. № 7. S. 182–189.

12. Safronova E. Bud'te kak doma. U Vysockogo [Jelektronnyj resurs]. URL: http://7info.ru/news/accents/budte_kak_doma_u_vysockogo/.

13. Shahovskaja Z. Vadim Delone. URL: <http://www.univer.omsk.su>.

14. Shemjakin M. Vspominaj vseгда pro Vovku // Biblioteka «Vaganta». 1991. № 2 [Jelektronnoe izdanie].

15. Radio «Svoboda». URL: <http://www.svoboda.org/content/transcript/24589928.html>.

The author and the heroes in the story by V.P. Nekrasov “May the Ninth”

The article deals with the features of the narrative structure in the story by V.P. Nekrasov “May the Ninth” that displays the system of characters with hidden prototypes. It helps to reveal the originality of the author’s view in the story written in the emigration period of the author’s creative work.

Key words: *the victory, an author, a hero, the Battle of Stalingrad, the Afghan War, May the Ninth.*

(Статья поступила в редакцию 02.09.2016)

